

Писемский Алексей

Питерщик

Алексей Феофилактович Писемский

Питерщик

Рассказ

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Чухломский уезд резко отличается, например, от Нерехтского, Кинешемского, Юрьевецкого и других*, - это вы заметите, въехавши в первую его деревню. Положительно можно сказать, что в каждой из них вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, бог весть для чего устроенными, потому что на них ниоткуда нет выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которых иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава с трубой; счастье, вертящееся на колесе, с завязанными глазами; амур какого-то особенного темного цвета, и проч. Если таких домов два или три, то прихоти в украшениях еще более усиливаются, как будто домохозяева стараются перещеголять в этом случае один другого; и когда вы, проезжая летом деревню, спросите попавшуюся вам навстречу бабу: "Чей это, голубушка, дом?", - она вам сначала учтиво поклонится и наверно скажет: "Богачей, сударь". - "А этот другой чей?" - "А это других богачей". Произношение женщины{213}, без сомнения, обратит на себя ваше внимание: представьте себе московское наречие несколько на а и усильте его до невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как и для английского языка, делать гримасу. Я сказал, что вы встретите женщину, на том основании, что летом вы уж, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородке какой-нибудь, в нитяной поневе, нечесаный и в разбитых лаптях, то вы, вероятно, догадаетесь, что это работник, - и это действительно работник и непременно леменец**.

* Костромской губернии. (Прим автора.)

** Вологодской губернии волость. (Прим. автора.)

Зима - другое дело; зимой мужиков много появляется. У Богоявления, что на горе, с которой видно на тридцать верст кругом, в крещение храмовой праздник: с раннего еще утра стоят кругом всей ограды лошади в пошевнях. Такой нарядной сбруи я в других местах нигде и не видывал. На узде, например, навязано по крайней мере с десятков бубенцов, на шлее медный набор сплошь - весом в полпуда, а дуга, по золотому фону расписана розанами. Войдите в церковь: народ стоит удивительно чистый, лица умные, благообразные, на всех почти синие кафтаны; а вон наперед стоят одна лисья и две енотовые шубы - это-то и есть самые богачи: они из Терентьева, да их и много; вон в синем кафтане, рублей по восемнадцати сукно, - это из Овсянова; заезжайте к нему в гости: уверяю, что без цимлянского не уедете! В серой поддевке, рыжая борода, тоже богач из Маслова, одним словом, очень много, всех не перечтешь!

Дело в том, что весь тамошний народ ходит на чужую сторону, то есть в Москву или в Петербург; а есть и такие, которые забираются и в Гельсингфорс и даже в Одессу и промышляют там: по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы - каменной, плотничной, кузнечной чухломец не любит.

Жизнь почти каждого из них проходит одним обычным порядком: приходит к барину крестьянка - полустаруха.

- Что скажешь, Михайловна? - спрашивает тот.

- К вам, сударь, - парнишку с анофревским Веденеем Иванычем сговорила.

- А по какой это части?

- По стекольной, батюшка, части.

- Что это у вас всё стекольщики?.. Хоть бы кто-нибудь из вас в колесники в Макарово отдал? А то по деревне колеса некому сделать.

- Где уж, батюшка, мне это затевать, дело вдове, непривычное, а тут всё на знакомстве-с.

- На сколько же лет?

- На пять-с лет, а по выходе от хозяина сто рублей да синий кафтан-с с обувкой.

- Ну что же? Хорошо, с богом!

И отправляют парнишку с Веденеем Иванычем, и бегаёт он по Петербургу или по Москве, с ног до головы перепачканный: щелчками да тасканьем не обходят - нечего сказать - уму-разуму учат. Но вот прошло пять лет: парень из ученья вышел, подрос совсем, получил от хозяина синий кафтан с обувкой и сто рублей денег и сходит в деревню. Матка первое время, как посмотрит на него, так и заревёт от радости на всю избу, а потом идут к барину.

- Кто там? - кричит тот из кабинета.

- Афимья с своим питерцем пришла, - отвечают ему из девичьей, с любопытством оглядывая новичка.

- А, хорошо! Войдите.

Входит питерец; волосы приглажены, кафтан подпоясан с форсом, сапоги светятся и скрипят, кланяется барину и кладет ему на стол рыбу, или яблоков, или просто полтинник.

- Полно, братец, не надобно, - замечает барин.

- Пожалуйте*, - отвечает питерец, встряхнув головой.

* Это значит - примите. (Прим. автора.)

- Молодец вырос, а мастерству выучился ли?

- Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могим сделать, что от хозяина было показано.

- Это хорошо: жениться теперь пора, да и в тягло.

Парень, слегка покраснев, улыбается.

- Не оставьте уж, батюшка, - отвечает за него мать и при этом случае опять прослезится.

- А у кого же думаете взять? - спрашивает помещик.

- У кого ваше приказанье будет, а мы, по нашему сирочеству, никого не обегаем, - отвечает мать.

- Какое же мое приказанье: вы знаете, я в этом случае не приказываю... сходитесь по себе, полюбовно.

- На том благодарим, батюшка, покорно, - отвечает все мать, - коли милость ваша будет, так у Ефья Петровича девушку желаем взять.

- У Ефья, так у Ефья, ваше дело, - только чтобы с той стороны не было сопротивления.

- Сопротивления не полагаем, разговор уж об этом был.

- А тебе она нравится ли? - относится барин к парню.

- Нравится, сударь, - девушку похулить нечем, как быть следует.

И женят таким образом парня в мясоед, между рождеством и масленицей. Но как пришел великий пост, так и начали молодого в Питер собирать: прибрали попутчиков, привязал он к спине котомку и пошел, а там, месяца через два, и поотпишет что-нибудь, вроде того:

"Милостивеющая государыня матушка Афимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, просим вашего родительского благословения и навеки нерушимо; о себе уведомляю, что проживаю по тепериче у Веденея Иваныча за триста рублей в лето, и при сем прилагаю десять целковых на подушную, чего и вам желаю.

Крестьянин ваш сын такой-то".

На Петров день и барину оброк выслал, а к Новому году и остальную половину, и сам сошел в деревню. Так он ходит каждый год, а там, как бог посчастливит, так и хозяйство заведет: смотришь - и дом с белендрясами{216} вытянул... Все это хорошо, когда хорошо идет, а бывает и другое.

Летом, в 184..., приехал я в чухломскую деревню Наволоки и, зная хорошо местность, вовсе не удивился, когда на крик моего ямщика: "Эй, десятской, подь сюда!" - вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

- Ты, голубушка, десятской? - спросил я ее.

Она улыбнулась.

- Я, сударь.

- А как тебя зовут?

- Марьей.

- А строга ли ты?

- Да с чего мне строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

- Можно ли мне остановиться в этом большом доме?

- Для чего не остановиться... Погодите, я поспрошаю, - отвечала десятский Марья и начала стучать в окошко большого дома.

- Клементий Матвеич, а Клементий Матвеич! Вона барин приехал, на фатеру к тебе поывается!

В окно выставилось мужское лицо.

- Позволь мне, мужичок, остановиться в твоём доме, я приехал по службе, - сказал я.

- Сделайте милость, батюшка, - отвечал тот проворно. - Не больно приглядно у нас...

- Дарья Михайловна, уберите там в горнице, что не надо, - услышал я его голос в избе, а через несколько минут он и сам показался на улице.

Это был лет тридцати пяти видный собой мужик, волосы русые, борода клином; на лбу несколько морщин, взгляд умный, лицо истощенное.

- Пожалуйте сюда на лесенку, - отнесся он ко мне, - уж извините на этот случай, что в таком наряде вас принимаем, дело деревенское... - На нем была наскоро накинута, значительно поношенная купеческая сибирка. - Ты, любезный, возьми кругом, там под навесом и поставишь, - прибавил он извозчику, - а то тут в ворота не пройдешь; наш экипаж - телега, не громоздка, в калитку продернуть можно.

В сенях, у окошка, сидела худая сгорбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилетнего мальчишку, который к ней то подсакивал, то отсакивал.

- Федька! Перестань баушку дразнить! Что ты? - крикнул на него Клементий.

- Она сама начинает.

- Я тебе дам: сама начинает!.. Вот уж пословица справедлива: старый, что малый, целый день у них этакие баталии идут... В горенку пожалуйста, сюда налево, - говорил хозяин, провожая меня.

Я вошел и, осмотревшись, тотчас же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: несколько полосок французских атласных, несколько хороших русских и, наконец, несколько дешевеньких; штукатурный потолок был весь расписан букетами, так что глазам было больно смотреть на него; в переднем углу стояла красного дерева киота с образами и стол, на котором были нарисованы тарелки, а на них - разрезанные фрукты, а около - серебряные ножи и вилки; лавок не было, их заменяли деревянные стулья, выкрашенные как будто бы под орех. В заднем углу стояла кровать с ситцевыми занавесками, к которой Клементий бросился тотчас, как мы вошли, и начал выкидывать оттуда различную дрянь, говоря: "Эк у них тут навалено! Что это за баба необрядная, все ей не в заметку!.."

- Извините уж, батюшка, - прибавил он, обращаясь ко мне, - в чем застали, в том и судите, не чаяли вашей милости.

Я просил его не хлопотать, а велеть, если у него есть, согреть мне самовар.

- Как, сударь, не быть этого заведенья: не те нынче времена и не такие здесь места, чтобы не быть... Дарья Михайловна! - крикнул он в дверь, поживее самовар, да приготовьте там чайник и чашки - все, как следует, главная причина, перемойте почище.

- Славный у тебя дом, - сказал я.

- Живет, батюшка, по деревне.

- Сам строил или еще старик?

- Нет, уж сам выводил; лес как-то нынче не против старины: крепости и ядрености никакой не имеет.

- А эти цветы на потолке не сам ли рисовал?

- Никак нет-с: чужие по найму мазали.

- Да ты питерщик?

- Питерщик был-с.

- А по какому мастерству?

- Да тоже вот по этой, по малярной части.

- В домах, что ли, расписывал?

- Всяко-с: и по наружности занимались и внутри отделку брали.

- То есть как же?

- Да, то есть стены и потолки по трафарету расписывали, и асторическую живопись тоже немного маракуем.

- Все тоже по трафарету?

- Все по трафарету, нечего хвастать: от руки все как-то не доходим. Хватались было некоторые из наших, да не выходит, по тому случаю, что мужику против ахадемика не быть, ученья такого мы не имеем. Наше, сударь, доложу вам, мастерство такое, что и конца ему нет: крыши, да заборы, да стены красить - особ статья; а, например, полы под паркет выводить или там дверь и косяки под слоновую кость отделать, - это выходит вторая статья; экипажная часть тоже по себе, мебельное дело другого требует, а комнатная живопись настоящая опять другое, а названье у всех одно: маляр, да и баста, а кто дело разберет, так маляр маляру рознь - кто до чего дошел.

Понятно, что Клементий был мужик оборотливый и немного резонер, потому что, как видно, любил обо всем порассудить и потолковать.

- Какое ремесло самое выгодное? - спросил я, желая снова вызвать его на разговор.

- Как вам, сударь, сказать, это все в зависимости от самого человека. Конечно, по хозяйской части, как и в купеческом деле, много и глупого счастья бывает, а если насчет работников взять, так все едино-единственно зависит от того, кто как ремесло в толк взял, а другая главная пружина состоит и в том: каков ты и в поведении, особенно нонече, потому что народ год от года стал баловатее: иной парень бывает по мастерству и не так расторопен, да поведения смиренного, так он для хозяина нужней первейшего работника. Материалу, например, временем нужно закупить, за рабочими присмотреть, артель там где-нибудь за глаза разделить, - он его сейчас в эвто дело и употребит - и у нас эдакие люди рублей по семисот в лето получают.

- Не по всем же мастерствам дается жалованье равное?

- Жалованье идет разное, про это кто говорит, только в кармане выходит одно и то же. На что уж, кажись, по жалованью лучше кузнечного дела! Последний работник получает четыреста, а который поискуснее и холодную там подковку знает, так и четыреста на серебро хватит, а много ли богачей? Ни одного! От малого до большого, что в неделю заработал, то на праздник в харчевне и спустил; а тепериче, если взять и другую линию: портной, сапожник и гравировщик, - у нас считается на что есть хуже из всех: у них, с позволенья сказать, зимой, в субботу, в баню надобно сходить, так старший подмастерье выпросит у дворника рукавицы, наденет их, вместо сапог, на ноги да так и отваляет, а и по этому делу выходят в люди...

Недалеко взять: у нашего барина дворовой человек сначала тоже в Москве поучился портняжничать, тут вернулся в губернию и теперь первый стал во всем городе портной, - и значит, что все человеком выходит.

- Неужели же портные менее прочих получают жалованья?

- Жалованье жалованьем... им точно и жалованья меньше идет против прочих, но главная вещь: присмотру за ним никакого нет. Проживают они больше по немцам, а немцу что?.. Платит он ему поштучно, спрашивает в работе чистоты - и только: рассчитают, что следует, а там и распорядись жалованьем своим, как знаешь: хочешь, оброк высылай, а нет, так и пропей, пожалуй; у них хозяину еще барыш, как работник загуляет: он ему в глухую пору каждый день в рубль серебра поставит, а нам, хозяевам, этого делать нельзя: у нас, если парень загулял, так его надобно остановить, чтобы было чем барина в оброке удовлетворить да и в дом тоже выслать, потому что здесь все дело соседское, все на знати; а немец ничего этого во внимание не берет...

Вошла хозяйка с самоваром - женщина еще молодая, но очень неприятной наружности, рыжеватая, в веснушках, с приплюснутым носом, узенькими глазами и вообще с выражением лица, ничего не выражающим. Сарафан на ней был хоть и ситцевый, но полинялый, рубашка грязная. Недаром Клементий говорит: "Эка баба необрядная..." - "Это, должно быть, не чухломка, - подумал я. Чухломка к постороннему человеку, а тем более к барину, никогда бы в таком наряде не пришла..." Хозяйка между тем, поставив самовар, сходила за чашками. Клементий смотрел на нее, как мне показалось, с каким-то затаенным чувством досады...

- Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то умылась, - произнес он и покачал головой.

- Ну, батюшка, - проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласил Клементия напиться с собою чаю и сесть; то и другое он принял с большим удовольствием. Разговор между нами опять завязался, именно: о табаке, потому что я закурил в это время трубку.

- Вы трубку изволите курить? - спросил меня Клементий.

- Да, трубку, а что же?

- Так, сударь: нынче господа к сигарам больше пристрастия имеют, и как еще эти - проклятые - вот и названье-то забыл - тоненькие такие...

- Папиросы?

- Именно папиросы: на удивленье ведь по первоначально было: бумагу вздумали курить, бедность такая пришла, точно вот как иные мужики у нас по деревне: курить-то охотник, а табаку нет, денег тоже не бывало, так он моху этого лесного насушит, наладет в трубку и запалит, точно настоящий табак, и поодурманит себя немножко, будто как и курил.

- А сам ты куришь или нет?

- Нет-с, сударь, по здешним местам отстал, а в Питере всего было: пуда с три пережег этого добра... и здесь было, правду сказать, начинал, да старуха бранится, так и бросил... Не стакан ли для чаю-то прикажете подать?

- Нет; а что же?

- Да мы, вот тоже, по чужой стороне видали, что господа нынче больше в стаканах употребляют.

- Мне все равно... У вас здесь по чужой стороне промышляют?

- Все-с. По нашим местам, мужику проживать в деревне все равно, что черту ладан.

- Отчего же это?

- Выгод, сударь, нет никаких: мужику копейки здесь не на чем заработать: земля вся иляк, следственно хлебопашество самое скудное; сплавов лесных, как примерно по Макарьеву, Ветлуге и другим прочим местам, не бывало, фабрик по близости тоже нет, - чем мужику промышлять?.. За неволю пойдет на чужую сторону.

- И давно это промеж вас завелось?

- Давно или нет, я уж не знаю-с, а только был, сударь, у меня дед, помер он на сто седьмом году, я еще тогда был почти малый ребенок; однакоже помню, как он рассказывал,

что еще при Петре-государе первые ходоки отседова пошли: вот когда еще это началось! А теперь уж нас, прямо сказать, от этого промысла не отучишь. С малого будем говорить: там мы все, не то что хозяева или приказчики, а даже артельные, - все содержание имеем отличное, по тому самому, что хоть бы взять в нашем ремесле: отпусти-ка в артельную кашу мало масла, так он тебе, красимши, на одну половицу масла за целый год выльет, и мы в этом, хозяева, никогда не стоим, кормим на убой, только чтобы в работе не зевали да проворили; а здесь не очень раскуражишься: швыряй, пожалуй, молоко, а мы, признаться сказать, не очень к нему привычны. Мне так вот даром его не надобно!.. Когда даже бабы едят, так просто моторит*, а насчет того же чаю, мы - питерцы - к нему большое пристрастие имеем... Там какой-нибудь лядащий мальчишка, завелся у него гривенник, и бежит в трактир, и сидит барином, и туда же еще командует, а в деревне самоваров не наставишься, прокладки уж этой и нет.

* Тошнит. (Прим. автора.)

- А главное, я думаю, вам не нравится полевая работа.

- Есть и это... отвыкаем очень... невелика, кажется, хитрость орать, а меня хоть зарежь, так косули по-настоящему не уставить... косить тоже неловок: машу, машу, а дело не прибывает... руки выломаешь, голову тебе распечет на солнце, словно дурак какой-нибудь... и все бы это ничего, и к этому мы бы делу попривыкли, потому что здесь народ все расторопный, старательный, да тут есть, пожалуй, другая штука...

- Какая же это?

- А вот какая-с: здесь, я вам доложу, мы все бахвалы, именно, так сказать, бахвалы наголо - сойдет мужик из Питера или из Москвы и начнет гнуть штуки: я-да-я, мы-да-мы, и бабы да девки сидят да слушают разиня рот, а нам это и повадно, и куражимся... А как по деревне-то живешь, так нечего прибавить: всё на виду... Не дальше, как в этой комнате, было у меня эдакое дело, на никольщине: есть здесь мужичок, верстах в трех отсюда живет, старик простой, смиренный, а денежный; на чужую сторону он не ходит, а занимается около дома торговлей: салом, солью, мясом и прочим эдаким товаром перебивает; сидит он у меня в гостях, и другие тоже кое-кто был, народ всё хороший, - вдруг приходит нашей деревни мужичонка - Гришка, питерец коренной, но человек то есть никуда не годный. Невзираючи ни на кого и ни на что, шасть прямо в передний угол, сел и почал хвастать: и денег, говорит, у него много, и анаралов там всех знает, и во дворце бывал, то есть, я вам скажу, такую понес околесную, хоть святых выноси вон. Деревенский этот мужичок слушал, слушал, да и говорит: "Гришка, не высоко ли берешь?.." Что же, сударь, как вы думаете?.. Этот шельма - Гришка - оборвал старика на чем свет стоит! "И толоконное, говорит, ты брюхо! И лесная кочерга!.." Просто сказать, раскостил, а тот только смолчал, делать нечего, на чужой стороне не бывал, рассуждать об этом много не может... Вон ведь у нас какая здесь практика заведена, так и не больно манит проживать около дома! А все лестно, нельзя ли как-нибудь в Питер или Москву... Это, батюшка, полагаю, и в вашем звании бывает: вон молодые господа из Питера съезжают, так большой тоже форс держат. К нашему барину приезжал отседова двоюродный брат: мы, как его по Питеру знаем, так господин очень непыратый{223}: на службе нигде не состоит, капиталов за собой никаких не имеет, а только что, примерно, по-питерски сказать, тортуары там гранит; а подите-ка: как приехал сюда, какой тон повел! У нашего помещика в усадьбе все расхаял: и дом без скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тут невдалеке слушал, как они об этом разговаривали, и только сам с собой подумал: "У тебя-то, думаю, выжига питерская, какие там палаты расстроены!"

Клементий остановился.

- Отчего же ты сам нынче не в Питере? - спросил я его вдруг.

Клементий весь вспыхнул.

- Как вам сказать, сударь, - начал он после минутного молчания, почесав в голове и вздохнув слегка, - линия уж такая вышла, что пенья копать дома пришлось.

- Покутил, видно?

- То-то и есть, прогорел маленько: пожару не было, а дымом вышло... мужик глуп: как бы нам не деревня, так бы мы и бога забыли.

- Барин, что ли, тебя не пускает?

- Да оно и барин, видно, повыдержат немного хочет... А другой случай, что на чужой стороне мне почесть, так сказать, и быть не у чего... в работники идти как-то зазорно, а хозяйством обзавестись могуты {223} не хватает.

- А ты сам хозяйствовал?

- Тридцать человек одной артели держал-с, дела большие имел; кабы не своя глупость, так деньги бы теперь лопатой загребал...

- Отчего же? Попивать, видно, начал?

- Не без того... у нас без этого не бывает; хотя и то сказать: выпивка рабочему человеку ничего, она ему по времени еще в пользу идет... а то худо, когда мужик с горя начинает опрокидывать, когда на сердце болит.

- А у тебя болело тоже сердце?

- А так, сударь, болело, что вот я теперича не жирен, а напредь сего был кожа да кости!.. История моя длинная, опечатать ее стоит... вот такая моя история!

В это время дверь приотворилась.

- Клементий Матвейч?.. - произнес женский голос. Это была хозяйка.

- Что тебе? - отвечал с досадою питерщик.

- Подь сюда: работник вопит, запахивать неча... Подь, батько, засеи загончиков хоть пяток!

- Ну, ладно; изготовь там жито-то... Извините, сударь, в поле требуют... На угощенье благодарим покорно.

- Ты зайди ко мне после.

- С большим нашим удовольствием, если вам будет не в тягость... Затем наше почтение-с, - проговорил Клементий и ушел.

II

Оставшись один, от нечего делать я пошел в избу. Хозяйка парила крынки, Федька сидел на лавке и что есть силы колотил по столу косарем; бабушка-старуха переправилась из сеней на голбец... На меня из них никто не обратил внимания.

- Вона, худы валенки-то, - во что обуешься теперь, - ворчала старуха, простанывая по временам. - Немало толстолобому говорила: купи да купи, так на базаре нет... эка, брат, и валенок про нас на базаре не стало... а сивку... да... продали... не сам еще заводил... ловок больно... да... а не говори - и не говорю... Успенье на дворе, а еще и пар не запарили... жди, паря, хлеба... то-то... порядки какие... ой, батюшки, тошнехонько! Ой-ой, тошнехонько!..

- Чем мать больна? - спросил я невестку.

- Не знаю: давно уж она мозгнет, - отвечала та нехотя.

- Что у тебя, старушка, болит? - отнесся я к больной.

- Что болит?.. Все болит, во всей болезнь ходит... рученьки, ноженьки ломит, у сердца тошно; с печи падала не один раз, пора бока отбить... Не так было прежде, жили... да... что станешь делать... не больно нынче маток слушают: хоть говори, хоть нет... третий год в Питере не бывал, какое уж это дело!.. О-о-ой, тошнехонько!..

И мне сделалось тошно от болезненных стонов старухи, а сверх того Дарья ввалила в крынку огромный раскаленный камень и всю избу наполнила паром.

"Плохо же житье питерцу, - подумал я, - понятно, что в семье у него было не очень ладно: жена какая-то рабочая полуидiotка, мать больная и, должно быть, старуха блажная. Отчего это он, по его выражению, прогорел и почему не в Питере?.."

С такого рода размышлениями пошел я по деревне. Картины увидел обыкновенные: на самой середине улицы стояло целое стадо овец, из которых одна, при моем приближении, фыркнула и понеслась марш-маршем в поле, а за ней и все прочие; с одного двора съехала верхом на лошади лет четырнадцати девочка, на ободворке пахала баба, по крепкому сложению которой и по тому, с какой ловкостью управлялась она с сохой и заворачивала

лошадь, можно было заключить об ее не совсем женской силе; несколько подалее, у ворот, стояла другая женщина и во все горло кричала: "Тёл, тёл, тёл! Тёлонька, тёлонька, тёл!.." По дороге, навстречу мне, шла десятский Марья с ималом* и уздой в руках.

* Имало - овес в какой-нибудь чашке или плетушке, которым, поднося к морде лошади, приманивают ее и таким образом ловят. (Прим. автора.)

- Что это баба кричит? - спросил я ее.

- Корову, сударь, выкликает: коровка, должно быть, отстала, - отвечала она.

- Разве у вас не за пастухами?..

- Нет, не за пастухами: у нас пастуху нечего делать. Скотина гуляет не па чистаполью, а па лесам, что тут пастух сделает? Разбредется па кустам, так и он ничего не увидит..

- А если украдут?

- Николи у нас не крадут, зверь так обижает, а воровства здесь не чуть.

- Волк, что ли?

- Нет, не волк, медведь: нынешнее лето из нашей деревни, проклятой, двух коровок изломал.

- Вы бы стреляли его?

- Кому у нас стрелять? Был в Терентьеве один стрелок, да и тот перед заговеньем помер... Тоже вот эдак по весне сел на лабаз; медведь-то пришел, падалину только обнюхал, а его стряс с елки и почал ломать, всю шабалку {226} своротил; тем и помер, никак залечить не могли.

- Ты сама куда ходила?

- Лошадь ловить ходила, да не дается, пес ее драл.

- А разве в доме у вас нет мужика?

- Нет, сударь, ни одного нет-с: батюшка-тесть и мой-то муж - оба в Питере.

- Отчего же мой хозяин дома проживает?

- Клементий Матвеич?

- Ну да.

- Видно, не больно умно жил на чужой стороне, так теперь заделье и правит {226}.

- Загулял, что ли, он?

- Не без тово, чай.

- Мне жена его очень не понравилась.

- Она нездешняя, от Макарья {226} взята.

- Я это догадался: она ему не пара.

- Известно, что против него не будет; эдакому мужику надобно бабу покрасивее.

- Вот бы тебя, например.

- Да что ему меня, у меня свой не хуже его.

- Будто и не хуже?

- А чем хуже? Только еще человек молодой, а не хуже.

- Не волочится ли за тобой Клементий? - спросил я ее вдруг.

Она вся вспыхнула, потом посмотрела на меня пристально и улыбнулась.

- Что за волоченье? Он здесь смирно живет, - произнесла она и потупилась.

- А прежде?

- Прежде я не знаю: мало ли чего у них в Питере бывает? Человек был богатый, так уж, вестимо, без тово жить не станет.

Разговаривая таким образом, мы подходили к моей квартире. Нас нагнал Клементий, который уже возвращался с поля.

- Хоть бы вы, сударь, нашего хожалого постращали, а то он ничего своей должности не сполняет, - сказал Клементий, указав головою на Марью.

- Что меня стращать: не мне бы, а тебе, длинноносому, надобно эту должность исправлять, - отвечала та с улыбкой.

- Нет, уж я, тетка, в сотские буду проситься, чтобы ты у меня под началом была.

- Что же тебе такое в подначальстве моем?

- Известно что... Ах ты, голубка: ноги тонкие, бока звонкие! проговорил Клементий, ударив ее слегка по плечу.

- Перестань болтать-то: мало тебе в Питере бока назвонили.

Этот быстрый разговор и несколько взглядов, которыми перебросились Клементий с Марьей, показались мне подозрительными.

Я вошел в свою комнату: питерщик не замедлил явиться. Мы уселись на прежних местах, и разговор между нами тотчас же начался.

- Ты говорил, что с тобой была история; расскажи мне ее, пожалуйста! сказал я.

Клементий сначала призадумался немного, потом усмехнулся.

- Рассказать, судырь, пожалуй, наше дело: слабы на язык-то; только то, чтобы не наскучить вам: похождения мои длинные.

- Вовсе нет, я тебя прошу об этом.

Клементий поправил бороду.

- Похождения мои, - начал он, - хоть бы взять с того, что я вдовец и теперича женат на другой: первая моя хозяйка, всякий вам скажет, была эдакая красавица, что другой, ей подобной, может быть, по всей империи из простого званья не найти. Восемь лет мы с ней прожили, наперекор слова не бывало, а не токмо что брани или, там, драки эдакие, как промеж другими бывает. И я, сударь, не хвастаясь сказать, в полтора года из простых мальчиков в приказчики попал, а через два года и сам хозяйством обзавелся, и такое у меня об доме старание было: спать лежучи, об доме думаешь, поутру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на уме, как бы денег спроворить да в дом послать? А в пятый год так раздышался, что и бабу в Питер выписал, еще у меня спорей пошло: она была, надо сказать, окромя красоты из лица, женщина умная, расторопная, чистоту любила на всяком месте. Пойдешь, бывало, ранним утром по делам, воротиться домой: в фатере любо поглядеть: прибрано, примыто, сама сидит лучше другой барыни, и так мне все это было по нраву, что иной раз всплачешь потихоньку... Господи боже мой, думаешь, за чьи ты молитвы меня эдаким счастьем искал?..

Проговоря это, Клементий приостановился.

- Далее! - сказал я.

- А дальше, судырь, только два годочка я покрасовался с ней в Питере, и сам не понимаю, что такое приключилось: вряд ли уж тут не было чьего-нибудь дурного глаза. Больно мне многие из своей братьи в зависть брать начали, а может быть, и понапрасну клеплю, может быть, и от простуды!.. Пришла она у меня, - дело это было по осени, - от всенощной и прямо на постель. "Что это, - говорю я, - Машенька, ты спозаранку спать забираешься?" - "Так, говорит, мне все что-то не по себе". - "Так полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку с мадеркой, лучше испарина прошибет". - "Хорошо", говорит, и встала, и надо полагать, что, через принужденье, выпила одну чашку, а больше уж не могла, и опять легла. Поутру еще хуже: я к доктору, тот приехал, осмотрел ее: "Горячка, говорит, у нее начинается". А за тем самым горячка да горячка... Лечили, кажись, всяким, - легче нет. Неделю помаялась, а в восьмой день богу душу отдала.

Клементий опять остановился; на глазах его навернулись слезы.

- Позвольте, судырь, трубочки покурить! - сказал он, смигивая слезы.

Я подал ему свою трубку.

- Вот эдак-то лучше, пораскуражит маленько, - сказал он, вытянув сразу всю трубку, и продолжал: - Как случилось со мной эдакое несчастье, я впал попервоначалу в какое-то бесчувствие: как там эти похороны и все эдакое срядили да обрядили, ничего не помню... Всё, говорят, смеялся эдаким смехом нехорошим... Так полагали, что совсем с ума спятил, - однакоже попомнился. Сам чувствую, что в разум вхожу, а на сердце час от часу становится тяжелее, - только и говорю работникам: не оставляйте, говорю, братцы, меня одного, я грех сделаю, руки на себя наложу!.. Недели в две меня сломило совсем: ни аппетита, ни силы, ничего не стало!.. Провалился я так до Нового года почесть... Надобно было расчеты сделать,

долги тоже кой-какие получить, ничто не мило, все бросил и в деревню съехал, - думал хоть этим облегченье получить, - не тут-то было... Видючи, как я убиваюсь, стали мне хорошие люди советовать в Тотьму к чудотворцу сходить. Мне это очень пришлось по душе, и как только я это, батюшка, задумал, - сразу легче стало. Никогда, прежде живучи, больше пятнадцати верст не хаживал, а тут прибегло такое желание, чтобы пешком идти. Согласился я с одним старичком, - тронулись. На первых порах отошел я двадцать пять верст и такую усталость почувствовал, что хоть подводчиков нанимать. Однакоже пересилил себя, дошел на другой день до Солигалича, - верст тридцать, примерно, сделал, не отдыхая, - усталости уж такой не было. В самом Солигаличе зашел я с моим товарищем к одному юродивому - Андриюшке: как я к нему пришел, - подал калачик, - он вдруг запел: "Со святыми упокой". Пропемши несколько раз, водочки попросил. Я по глупости подумал, что он и в самом деле водки желает: сходил сейчас в питейный и принес ему. Взял он у меня полштоф, да как швыркнет в угол, и запел: "Исайя ликуй". Как его потом ни спрашивал, ничего больше не сказал... И таким манером я в Тотьму сходил благополучно. Воротился домой. Барин у нас тогда дом отстраивал. "Возьми, говорит, Клементий, внутреннюю отделку на себя". Я не поперечил, взял: так все лето и почти что всю осень и проработал у него; и это меня заняло очень много. Отделать тоже хотелось для барина получше. В первую пору, думал, и не перенести горя; а тут пришло, что и о другой свадьбе задумал.

- О другой?

- Да-с, и сам уж не знаю, как это и вышло! Вам, сударь, может быть, не безызвестно наше обнокovenье, что молодому мужику вдовым жить не приходится. У меня есть тоже старуха мать - кажись, видели ее: начала она мне говорить разные там, то есть этикие наши крестьянские резоны представлять, а тут и браниться, пожалуй. За глаза меня, сударь, сговорили да помолвили на девушке из макарьевского имения; я и не рассмотрел хорошенько, накануне только свадьбы и в рожу-то увидал невесту. По чужим речам все дело-то произошло: наговорили да натолковали: девушка-де смиренная, из дому идет хорошего. Ну, думаю, что будет, то будет, не проживешь целый век без бабы.

- А с той стороны, видно, было большое желание?

- Еще бы им не желать: дело их было небогатое, а я, не хвастаясь, по тогдашнему времени был первый крестьянин из всего имения. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтоб многого не рассмотрел. Опомнился от ихнего угощенья, как домой приехал, и только всплеснул руками! Женщина действительно вышла тихая, да для нас - питерцев - не годится! Теперь-то плоха, а первое время и говорить по-нашему не умела: ты ей толкуешь одно, а она понимает другое. Затаил я, сударь, все на сердце и через неделю же после свадьбы в Питер махнул. Прежде, бывало, из дома едешь, станции две слезами обливаешься, а в тот раз словно вольным воздухом вздохнул, как из деревни вывалился. Приехавши, прямо на дела кинулся. В год с небольшим нажил деньги большие, а о деревне и думушку думать забыл. Выплатишь оброк, вышлешь малую толику на подушную, рассчитаешь работника - и только. А чтобы, там этак, в дом к украшению что-нибудь, или подарки какие-нибудь - и на разум не приходило. Матушке так еще угождал кое-чем по времени, а благоверной двадцатикопеечного платка не присылывал: словно как ее на свете не бывало. Этого мало, сударь: отписывают, что парнишко родился: никакого чувства не было, словно как у чужих сделалось. А кабы, кажись, первая, Машенька, родила, так сблаговал бы от радости!..

Воспоминания эти привели Клементия в какое-то возбужденное состояние. Глаза у него разгорелись, на лбу выступил градом пот, по бледному лицу появились красные пятна.

- Прожил я, судырь, таким делом, - начал он снова, - не сходя, в Питере три года и, всю правду вам скажу, прожил смиренно и начал было уже в деревню собираться. Вдруг вышел мне такой случай: был у меня один знакомец, и дядей еще как-то мне приходится, с баькиной стороны, тоже, эдак, подрядчик из здешних мест; в Питере проживает безвыездно, вдовый, человек умный, в капитале хорошем, по делам ловкий, только, временем, любил закачивать. Если уж раскутится, так ему все ни по чем: рублев сто, двести серебром в два часа просадит. Встретимши меня, раз поутру, - "пойдем, говорит, Клементий, в трактир, чайку выпить".

Пошли - и сначала ничего, все шло как следует: напился чаю, прошлись потом по водочке, по мадерке, в голову-то и попало маненько. Он спросил бутылочку судацкого; я тоже, с своей стороны, откупорил, стало быть, две, а тут получилась третья, четвертая... Раскутился мой дядя!..

- Клементий, - говорит, - поедем со мной к Аннушке.

- Какая, - говорю, - дядя, Аннушка?

- Есть уж, - говорит, - такая!.. Только молчи, и тебе будет хорошо...

Ладно... поехали... подвез он меня к большущему дому... извозчика разделали... "Иди, говорит, за мной", и ввел на самый верхний этаж, отворил двери, вошли: вижу, комната хорошая, хоть бы у господ такая. Вдруг из-за перегородки выскакивает мамзелька в платье, ловкая такая, собой красивая, и прямо чмок дядю в лоб. "Ах ты, суконное рыло! - подумал я. - Какое ему счастье выходит!" Поцеловавшись с моим благоприятелем, и мне ножкой шаркнула...

- Чем прикажете, - говорит, - дорогих гостей угощать?

- Судацкого, - требует дядя, и сейчас же выкинул на стол двадцатипятирублевую серебром.

Хозяюшка подхватила ее ловко на лету и сейчас же распоряженье сделала, и потом закурила нам трубочки. Сидим, покуриваем. Посидевши так немного, дядя отозвал ее в сторону и шепнул ей что-то...

- Сейчас, - говорит. - И убежала.

- Погоди, Клема, - говорит мне дядя, - сейчас другая штучка будет, на гитарке нам сыграет и споет. - И только покончил он эти слова, как точно входит уже не одна, а две, прежняя и другая с гитаркой; и так мне сударь, эта вторая с первого же раза из лица понравилась, что, кажись, не хуже моей покойной Машеньки показалась. Принесли судацкое, и началось у нас угощение. Хозяйка тянет с нами очередную, а гостя все в отказку, - почесть что поневоле принудили бакальчик один принять. Однакоже ничего: поглядевшись немного, и на гитарке заиграла, и песенку запела, и такой голос показала, что я отродясь не слыхивал, даже в жар меня кинуло, в голове-то блажи уж много было. Видевши, что дядя препровождает время с хозяйкой, я к гитарщице подсел.

- Как, - говорю, - вас, сударыня, по имени и отчеству звать?

- Палагея, - говорит, - Ивановна.

"Ладно-с, думаю, имя хорошее".

- Что это, господа купцы, хоть бы вы раз в театр свозили, - говорит Аннушка.

- Что ж такое? В театр, так в театр, - говорю я.

- Идет, - порешил дядя.

Хозяйка принимает это в большое удовольствие, а Палагея Ивановна отказ делает, - и тетенька какая-то гневаться будет и сама не так здорова. Мы эти слова ее во внимание не берем, упрашиваем, - я пуще всех. Уламывали ее с полчаса, насилу согласилась. Поехали: мы с дядей по себе, а для них особый извозчик. Старик мой совсем раскутился: не хочу, говорит, наверху, в тесноте и жаре, сидеть. Взял в пять целковых ложу. Я до театру, еще в мальчишках, был непомерный охотник. Эту, например, "Аскольдову могилу"^{232}, танцы там разные, или этакие, где иностранные принцы в светлой одежде выходят, каждую штуку раз по семнадцати видал; а в тот раз какое представление шло, и не знаю: всем своим взором пристрастился к Палагее Ивановне. Она тоже, надо полагать, никакого удовольствия не имела: сидит этакая печальная, голову опустивши, глаза потупивши...

Сделав им уваженье насчет театру, дядя ладил, чтобы опять к ним в гости ехать. Однакоже эта самая Аннушка сказала наотрез, что нельзя: время, говорит, теперь позднее, а милости просим в другую пору. Делать нечего, отпустили их, а сами поехали к своим местам. Но мне целую ночь и сна нет: все на уме Палагея Ивановна. На другой день - тоже, а на третий так пришло, что к дому ее раз семь подходил, а войти не смею. Маялся я так с неделю. Вдруг мне приходит в голову такая мысль, словно дьявол ее подшепнул: жила на одном со мной дворе старушонка, обзывала себя торговкой, а почти что нищая была. Купит

каких-нибудь копеек на двадцать печенки, изжарит, с моего позволения, в артельной да целый день с этим товаром и шляется по Питеру. Призываю я ее к себе, угощаю чаем, водкой и делаю ей всю откровенность. Видел, говорю, в таком-то месте девушку, оченно она мне понравилась, так нельзя ли, говорю, узнать, как и что с ее стороны. Старушонка разом смекнула, в чем дело: тем же часом свилась - собралась и полетела. Прождал я ее до вечера: нетерпение такое было, что все стоял у ворот да выглядывал: наконец, катит... "Что?" - спрашиваю. - "Да то, говорит, была и видела, девушка отличная и не такая, как вы, может быть, полагаете". От этих слов старухи у меня еще больше сердце разгорелось... Выставил я ей бутылку мадеры, стал ее ублажать всякими словами, - этого мало: дарю ей пятнадцать рублей. "Вот, говорю, старушка, возьмите на первой раз, а на предбудущий случай и ничего не пожалею, только научите, как лучше сделать". Принявши от меня деньги и выпимши всю мадеру, старушонка поразговорилась и делает мне такое признание: "Я, Клементий Матвейч, желая вам услужить и понимаючи, как надобно вести себя, прилгала им, на всяк случай, и объяснила так, что вы купец, человек вдовый, и желаете пожениться, а иначе тут об вас и говорить нельзя. Ихнее дело скромное, живет она при тетке, по имени Наталье Абросимовне; занимаются они обе золотошвейным мастерством и звание имеют обер-офицерское, - как хотите, так и поступайте, а я вас на путь направила, - прозеваете, себя вините". Взяло меня, сударь мой, раздумье: солгать, вижу, надобно много, и, может быть, тем бы самым все и кончилось; но начала эта самая старушонка шляться ко мне каждый день и все про одно толкует. То ей в удивление, что я, бывши молодым еще человеком, проживаю в такой скуке, то будто бы с той стороны принесет поклон. Больше недели не давал ей никакого ответа. Не вытерпел, однакоже, и покончил тем, что, призвавши ее раз вечером: "Делай, говорю, как знаешь, а мне не жить, не быть - видеть Палагею Ивановну желается". На такое мое распоряжение ответ получаю в тот же день, просят-де вечером чаю напиться. Пошли у меня сборы: франтился я часа четыре: одежда у меня всегда была отличная, а тут стала не нравиться. Бороду подстриг, волосы распомадил, взял первого с биржи лихача. Прикатил: вхожу, куда было сказано, и только что не ахнул, словно в мурью какую попал: помещение такое - хуже курной деревенской избы. Стоит на трех ногах столишка, огарок шестериковой свечи, самоваришко какой-то; по одну сторону столика сидит, как я догадался, эта тетенька, женщина из лица красная и собой этакая обрюзгая, а на другую сторону - и сама Палагея Ивановна. Сделавши им, как умел, рекомендацию о себе, сажусь. Тетенька, сейчас, в разговор вступила и с первого же слова начала меня выведывать: кто я такой, какую торговлю веду, давно ли вдов. Вру я ей, что в голову придет, и, по научению старухи, такой тон держу, что будто бы жениться желаю. Просидел я у них часа три. Поленька хоть бы слово сказала, так что мне стало и досадно. Однакоже виду не даю и начинаю прощаться, - и тут, как-то к слову, и не помню хорошенько, фатеру ихнюю похаял. "Фатера, говорю, оченно черна". "Черна, - говорит мне на это тетенька, - большое бы желание имели куда-нибудь переехать. Здоровье Поленьки слабое, а в этакой сырости еще больше пропадает". - "Что ж такое? - говорю я. - Можно и переменить: в Питере фатеры есть всякие". Эти мои слова, надо полагать, они на ус и намотали. На другой день старушонка моя чуть свет ко мне стучится. Объяснимши, что я там слишком понравился, вдруг мне открывает, что приказали-де просить, что не могу ли я на свой счет фатеру для них приискать, так как я человек богатый и для меня это большого расчета не сделает, "Ладно, говорю, мы в этом не постоим", - и в тот же день приискал две комнаты с кухней, по-моему, слишком порядочные, и сейчас же им весть даю. Приезжает ко мне сама тетка на извозчике, благодарность говорит мне большую и просит, чтобы я позволил ей посмотреть. Свез я ее, оглядела, не нравится, и то нехорошо, и то ненарядно, и окна на двор. "Ах ты, боже мой! думаю я про себя. - Сами жили в мурье - ничего, а тут этакое помещенье хулят". Поехали мы с ней назад. Она уж прямо говорит, что у меня или капиталу нет, или мне жалко. И так, сударь, расконфузила она меня этими последними словами - на чем свет стоит. Мы - питерцы - народ форсистый: лучше чем-нибудь другим-прочим обидь, а насчет денег не затрогивай. У нас в кармане сотня, а манеру мы держим на тысячи. Ну, думаю, душа моя, я себя в грязь лицом не ударю, предоставлю вам

такую фатеру, что тебе в нос кинется, ты, может быть, в этаких сроду и не бывала, а уж наверняка никогда не живала, даром что обер-офицерского звания. Как задумал, так и сделал. Было в нашем доме совсем черное отделение, комнат в пять, - прежде была отличнейшая фатера на улицу, да запустили. Сговорился я об нем с хозяином, послал своих молодцов и в две недели отделал на самую лучшую ногу: паркет подклеил, отчистил, дубовые двери отшлифовал, лучше новых стали; на окна занавески шелковые повесил; мебель купил настоящую ореховую, обивки первостатейной; денег просадил много, однако не жалею. Спроворимши все это, приглашение им делаю, чтобы пожаловали на новую фатеру чаю откушать. Приезжают, смотрят и только посмеиваются от радости. Проводим мы вечер в большом удовольствии, угощение я им даю отличное: чай, сладкие закуски разные, ужин идет из лучшей ресторации. Мадера, портвейн, красненькое, чего угодно, все есть. Тетенька выпила сильно, так что едва на стуле сидит; Палагея Ивановна отпила стаканчика два легонького винца и начала со мной поговаривать, - и даже по моей просьбе послала к себе извозчика за гитарой, сыграла и спела мне по крайней мере песен двадцать. Слушаю я ее разиня рот, точно соловья какого, и то очень еще мне нравится в ней, что держит себя она благородно. Шутки мои, например, принимает от меня, а сама ничего не говорит и только тупится. После этого нашего вечера они на другой день переезжают: имущество свое свезли в один раз на ломовом извозчике, да сами приехали на подрессорках, и все тут. Начинаем потом жить, я их посещаю, как следует. Содержанье чай, сахар, запас к столу - все идет от меня. Старушонка торговка все продолжает мной руководствоваться и такое мне понятие дает, что они желают мной одолжиться временно, и что вскорости сами получают большие деньги, и что, если я ее - старуху - отведу от нашего дела, так все сразу кончится. Даже по сей день, сударь, я самому себе удивляюсь: кажись, этакими пустыми словами, как рассуждать со стороны, так малого ребенка провести нельзя, а тут всему веру давал. Денег у меня в ту пору было много: тысячи три серебром в кармане, да в получке с лишком тысяча, - кути - валяй, - словно им и конца не будет. Хожу я к ним, моим соседкам, два раза в день и без подарков не являюсь: то материи принесешь на платье, то платочек, то мантильку целковых в двадцать, а вечерком мадеркой да ромком забавляешься. Палагея Ивановна тоже привыкает потягивать: первую начнет, как будто бы поневоле, вторую тоже робко, и сейчас же возьмет гитару и запоет. Чудное дело, сударь: по сю пору все ее песни у меня в памяти. Ничем, кажись, другим она столько не понравилась, как своим пеньем! Словно за сердце хватала, как она пела, - и сама в такое чувство приходила, что я и не привидывал. Ни на кого из нас не смотрит, а слезы так градом и сыплют. Как напоеется досыта, - вдруг сама без всякого приглашения полный стакан выпьет; но особеннее всего мне то было удивительно, как она этак выпьет, сейчас же у ней на тетку злость нападает. Та, сам вижу, угождает ей сильно, а она все фыркает. Проводя таким манером все мое время, о делах не думаю, к хмельному получил пристрастие большое. Встанешь поутру, и вместо того чтобы, как прежде бывало, чаю напиться, - не могу, моторит: с самим собой тоска, раздумье о том, о другом - но все еще ничего, живем, и вдруг мне, сударь, через ту же прежнюю старушонку передают, что Палагее Ивановне экипаж свой завести желается. Надобно сказать, что желанье это у меня у самого было и прежде того; но когда мне что еще подсказали, - охота припала сильнее прежнего. Мы хоть и не купцы, а насчет выезду не только в Питере, а даже по здешним местам, большие щеголи. Приобрел я серого рысака, заплатил за него триста на серебро, и то по случаю; санки - тоже полтора ста, сбруя накладного серебра. Сядем мы с Палагеей Ивановной, медвежьей полостью перекинемся. Салоп на ней бесподобный, шляпка от францужинки; я тоже в дорогой лисице, и делаем мы, сударь, таким манером прогулку, что твои купцы первой гильдии, а между тем в кармане - становится больно тонко. Выпал было для меня сподручный в казне подряд, надобно было взять беспрременно, а в залог представить нечего. Толкнулся было к другим, третьим подрядчикам насчет обеспечения, - но те, видючи, как я шибко начал жить, поприостереглись - не дали. Стало меня за виски забирать: сам понимаю, что делаю глупо, и пересилил бы, кажись, себя на тех же порах, кабы на свете этого окаянного вина не было. Вот в эдаких-то случаях, как мой, оно подлейшая штука для нашего брата мужика, по тем

причинам, что больно делает человека беззаботным; пьешь больше для куражу, а как проспиться, так хуже прежнего. Рожу у меня раздуло, руки начали трястись, хороших людей стало мне совестно, о деревне подумать страшно, - а прежнего все не оставляю. С Палагеей Ивановной тоже нехорошее творится: худеет и кашляет день ото дня больше, пищи никакой не имеет, а без мадеры уже и жить не может. Кутим мы таким манером ровно год. Артель свою я нарушил, из капитала осталась самая малость. Подарков делать не на что; прием, замечаю, начинают мне делать другой, - ко всему этому начал к ним ходить какой-то будто бы двоюродный братец, чиновник. Мне это не понравилось; стал я спрашивать, как и что такое за гость? Сначала отшучивались, а тут в серьезное говорят: "Не попрекайте, говорят, нас этим человеком, он у нас из всей нашей родни остался один и теперь хлопочет по нашим делам". Этими словами, однако, они меня не успокоили, стала меня ревность мучить; молчу покуда, а на сердце досада непомерная, и выжидаю только случая; наконец, выходит между нами такое дело. Встаю я раз утром, вдруг подают мне записку оттедова. Пишет тетка, что так и так, им, по ихним делам, нужно триста целковых, и просит, чтобы не отказал в ихней нужде, а что после они заплатят. И какая, батюшка, бывает с человеком глупость! Сколько я ни был досажен на них, все понимаючи очень хорошо и бымши сам в самых расстроенных обстоятельствах, вдруг мне стыдно сделалось, что денег не имею. Думаю, хоть умру, да добуду, по крайней мере после покуражусь, сколько душе угодно. Сказавши посланной, что к вечеру доставлю, пошел по всем своим прежним приятелям занимать; заверяю их, что будто бы на дело хорошее беру и что завтра же по долгам должен получить две тысячи, но всеми этими словами тешил только сам себя; все мы, подрядчики, друг друга знаем по пальцам. Прошлялся я целое утро, думал, доверия никто не сделал. Задумал я тогда другу увертку: пришло мне в голову в картах счастья попробовать. Есть там, в железном ряду, купец - картежник записной, мне немного человек знакомый. Захожу я будто бы случайно к нему в лавку, слово за слово, и, наконец, прямо говорю: "Нельзя ли, говорю, у вас вечерком в карты поиграть?" Делов моих, надо полагать, он не знал хорошо, потому что тотчас же делает приглашение. Разменял свои пятьдесят целковеньких, что было в кармане, на мелкие, и отправился. Между нами, мужиками и купечеством по-простее, идет игра под названием: в горку; игра, так сказать, нехитрая, но презадорливая, главная в ней пружина выждать хорошей карты - она тебе одним коном воротит все убытки. Прежде, когда я был при деньгах, всегда так и делал и всегда почти был в барышах, но по теперешним обстоятельствам вышло не то. Сдали карты, взял я их в руки, руки дрожат. Пришла ко мне какая-то шушера. Подрушный товарищ пошел целковым, я помирил этот целковый, да два под другого товарища, тот тоже, и выставил уж пять, так у нас и пошла круговая. Накидали мы в кон целковых до пятидесяти, я не отступаюсь, все хочется на пустую сбить, - не тут-то было! Проставил я целковых двадцать, а взял подрушный, потому что имел на руках сильный хлюст{238}. Идет у нас игра потом дальше. Мне счастья нет: выпиваю я с досады графина два водки, - и хмель не берет... Просадивши все свои пятьдесят целковеньких, стал я хозяина упрашивать еще играть на рысака с упряжкой. "Поставьте, говорю, во что хотите, только игры не останавливайте". Убедил я их, начали: опять же мне досталось по бокам. Покончивши лошадку со всеми экипажами, за одежду принялся и к утру остался в одной только поддевке, так что хозяина жалость взяла. Платья не хотел и брать: после, говорит, как-нибудь сосчитаемся, но я не согласился, предоставил им все дочиста. Прихожу домой, почти что так, полуумный: первый человек встречает меня прежняя старушонка с новой запиской. Пишет мне эта тетка разные выговоры, или просто, так сказать, называет прямо подлецом, и что, если-де я так желаю себя вести, так она и принимать меня не станет, и что Палагея Ивановна от горести даже больна очень сделалась. Злости и тоски было у меня и без того много на сердце. Выгнал я эту старушонку в шею от себя и сам пошел к ним. Встречает меня тетка, и говорю я ей, как понимать вашу записку?

- А так и понимайте... Вы теперь, как мы это видим и слышим, идете в разоренье, на всех словах ваших нас обманули: сказали вы нам, что вы купец, человек вдовый, а в самом деле вы не что иное, как серый мужик и человек женатый, - и потому, извините, знакомство

ваше нам зазорно.

Так мне сделалось от этих ее слов горько и стыдно, что я чуть не всплакал.

- Ну, - говорю, - Наталья Абросимовна, не вам бы мне это поученье делать!.. Конечно, много я виноват перед богом, перед моим господином и перед семейством, но не перед Палагеей Ивановной. Про вас я молчу, вы тут дело стороннее, - бог знает, как и вмешались тут; а если вы попускаете, что я вас некоторыми моими словами обманул, так уж это - извините - вы говорите пустые слова. Вы живете на одном со мной дворе: здесь вам малый, мальчишка скажет, кто я и что я такое; но вы до сего дня слова со мной об этом не говорили, а если я теперь в такое расстройство пришел, так только единственно для вашего удовольствия. Капитал у меня был прежде настоящий, как следует подрядчику. В эти полтора года я рюмки вина не выпил, куска хлеба без вас не съел, на себя сапогов новых не сделал, - так где же мои деньги, как не в ваших сундуках?.. Поступать вам со мной так стыдно!.. По несчастному моему положению, поддержать бы меня следовало, а не то что, как паршивую собаку, отгонять от себя!..

- Сделайте милость, у нас ничего вашего нет, - отвечает она мне.

- Как, - говорю, - сударыня, нет?.. Да эта самая фатера - и та моя.

- Про фатеру, - говорит, - не беспокойтесь, мы завтра же очистим ее.

- Нет-с, - говорю, - позвольте, я вас не спущу. Надобно еще прежде маленькой расчетец сделать, - и не с вами: вас я и знать не хочу, хоть вы и ставите себя очень высоко, а собственно - с Палагеей Ивановной.

- Палагея Ивановна, - говорит, - никакого с вами расчета делать не будет, а стращать вы нас не можете, мы вас не боимся. Наш чиновник-родственник хорошо знаком с частным приставом. Если вы станете много грубиянить, так вас за нас в острог посадят.

- В острог меня посадить не за что. Ваш чиновник и частный пристав, может быть, люди и хорошие и сильные, но и я тоже в обиду не дамся: найду начальство и выше, представлю дело, как оно есть, - они нас рассудят лучше.

После этих моих слов начала тетка, без всякого зазренья, браниться, я тоже не уступаю... Чем бы между нами кончилось - не ведаю... Только вдруг выходит сама Палагея Ивановна, худая этакая, слабая.

- Какой, - говорит она мне, - угодно вам со мной счет иметь?

- А такой, - говорю, - что тетенька обнесла меня на письме и словами, но для меня все это самое ничего не значит, и я хочу только знать, как вы меня понимаете.

- Я, - говорит, - тоже вам скажу, чтобы вы оставили меня в покое. Я, говорит, и наперед сего все делала через силу, а теперь имею другого жениха и пойду за него замуж.

- Это, - говорю, - сударыня, дело доброе, но чем же я-то виноват? За что мне-то пришлось для вас приданое давать?

- Не корите меня вашим добром, - сказала она мне на это, - я ничего вашего за собой не оставляю, - и тотчас же подскочила к шкафу, отмахнула его и начала выкидывать все платья.

Как тетка ни отговаривала, - не слушает, из лица побледнела, губы дрожат, на глазах слезы, начал кашель ее бить, и вдруг, сударь, - я такого страха и не ожидал, - вдруг кровь горлом пошла. Стало мне ее жаль непомерно, забыл я всю свою досаду!..

- Не горячитесь, - говорю, - Палагея Ивановна, ничего я из этого не возьму, по пословице: дарят, так не корят... Сказал я вам не по злобе, а от своего собственного горя. Прощайте, говорю, не поминайте меня лихом, а добром, может быть, и не за что.

- Ну, Клементий Матвеич, - отвечает она мне, - бог нас рассудит, кто из нас против кого виноватее: вы много на меня денег потратили, а я из-за вас здоровье потеряла.

- Тем наше свиданье и кончилось. Как пришел я в свою фатеру, ничего не помню, и тут же слег, - сразу весь пожелтел, точно шафраном всего выкрасили. Стащили меня в больницу, провалялся я там два месяца, и когда на третий выписался: ни крова, ни пищи, ни денег, ничего нет. Иду я к дяде, с которого вся и история началась. Принял он меня, дай ему бог здоровья, невзираючи на все мое убожество, ласково. Рассказал я ему все мои похождения. "Ничего, говорит, Клементий: со мной в молодых годах было то же самое, два раза из Питера

в одной рубахе сходил. Совет мой тебе такой: иди ты теперь в деревню, там ты поочувствуешься". - "Нет, говорю, дядя, ни за какие тысячи не пойду в деревню в таком безобразии; помоги ты мне здесь, дай ты мне здесь поправить". Как меня старик ни отклонял, я стою в одном; он видит, делать нечего: принял меня к себе, жалованья положил пятнадцать целковых в месяц, только никуда не отпускал и с артелью работать заставил. Проку выходит мало: руки на дело не поднимаются, почесть половина работников к нему от меня отошло, прежде под началом были, а тут стали подтрунивать; я же был всегда большой гордец. Для меня это показалось пуще вострого ножа. Сказавши, что будто бы думаю в деревню сойти, отошел; жалованье, какое пришлось, пропил и поступил к мяснику, говядину таскать на лотке, дело непривычное: первый день проторговал целый рубль, на другой день поостерегся, так ничего не продал, и затем, сударь, начались мои разные похождения: был я дворником, был водовозом. Отрада была только в том, что, как появится в кармане хоть гривенник, сейчас его в кабак. Дня по два совсем не емши был, одежда - словно рубище, сапоги - только одно звание... Стыдно признаться, а грех потаить: бывали такие случаи, что Христа ради просил.

- А Палагеи Ивановны ты больше уж не видал?

- Встретил раз: едет с каким-то хватом, еще хуже стала, точно мертвая сидит; не на счастье мы, видно, друг с другом сходились.

- Ну, а здесь как? Будто уж здесь и смиренно живешь? Мне кажется, что у вас с Марьей - десятским-то - кое-что идет, - заметил я.

Клементий улыбнулся и слегка покраснел.

- Вы уж много видите, чего бы и не надобно, - только нет, сударь, напраслину взводите; будет, что и на словах пошучу. Прежняя дурь из головы выскочила: сердце болит каждую минуту, видючи себя в таком положении, после того, чем был я прежде.

- Как же в деревню попал?

- Почти что насильно. Пачпорт у меня вышел, из деревни не шлют; я было к одному господину, которому от нашего помещика приказанье было, - так и так, говорю, нельзя ли мне выдать билет. - "А вот, говорит, погоди я тебе выдам, - я уж давно до тебя, голубчика, добираться". Задержал он меня у себя на фатере, приискал попутчика из здешних мест, человека этакого аккуратного, крутого, сдал ему меня под расписку, - тот и сvez, только что не на привязи. До сих пор, батюшка, я этого господина поминаю добром. Не распорядись он со мной таким делом, может быть, погиб бы совсем. Предоставил меня мой извозчик прямо в нашу усадьбу... И стыдно-то и страшно. Чуть не умер в это утро, ожидаючи, когда в горницу позовут, - наконец, требуют: посмотрел на меня барин. Я весь дрожу, слезы у меня в три ручья так и текут по щекам. "Ну, братец, - говорит он мне, - много мне об тебе дурного говорили, но я не верил, а теперь вижу, что правда. Наказывать мне тебя стыдно, хоть ты и стоишь того, а скажу тебе только одно, что чужой стороны тебе в глаза не видать. Коли не умел там обстоятельно жить, так ходи за косулей и справляй заделье". Так-то теперь я здесь и живу. В Питер хочется, а попроситься не смею; а если бы, кажись, попал туда, и хоть бы какая маленькая линия вышла, так бы в полгода раздышался лучше прежнего.

Клементий утомился и замолчал. Я несколько времени смотрел внимательно на его выразительное лицо. Это был не кулак-мужик, который все свои стремления ограничивает тем, чтобы всевозможными чистыми и нечистыми средствами набивать себе копейку. Его душе, как мы видели, были доступны нежные и почти тонкие ощущения. Даже в самом разуме его было что-то широкое, размашистое, а в этом мудром опознании своих проступков сколько высказалось у него здравого смысла, который не дал ему пасть окончательно и который, вероятно, поддержит его и на дальнейшее время.

III

Как Клементий говорил, так и случилось. Не более как через три года я встретил его в одном трактире. Он сидел в волчьей шубе, с золотым перстнем на пальце, в ботфортоподобных сапогах, с двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то им толковал; они его слушали с большим вниманием, хотя и были гораздо старше его. Я

подошел к ним. Клементий меня узнал и просил напиться с ним чаю. Я сел. Он держал себя далеко гордее прежнего, говорил меньше, как-то истово и совершенно уж купеческим тоном. Потом он звал меня убедительно зайти к нему на квартиру, - и я был. Жил он со всеми признаками довольства, хотя и не совсем опрятно. Для меня он приготовил ту, неведомо по чьему вкусу составленную закуску, на которую, вероятно, попадал и читатель в купеческих домах, то есть в одно время было поставлено на стол: водка, вино, икра, пряники, какие-то маленькие конфетки, огурцы, жаренный в постном масле лещ, колбаса, орехи, - и всего этого я, по неотступной просьбе хозяина, должен был отведать. О себе Клементий мне рассказал, что года два тому назад барин отпустил его в Питер опять и что, мало того, взял под свой залог его подряд и сдал ему, и что он с этого времени, по милости божией, и пошел опять в гору, и теперь имеет тысяч до десяти чистого капитала, что блажи теперь у него никакой нет, в деревню съездит каждую зиму, хмельного ничего в рот не берет, потому что от хмельного мужику все нехорошее и в голову приходит. Парнишку отдал в ученье к одному приятелю, по тому же малярному мастерству, по тем причинам, что если учить его при своей артели и на своих глазах, так либо перебалуешь, либо заколотишь... и тому подобное.

Порадовавшись успеху питерщика, я вместе с тем в лице его порадовался и вообще за русского человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОЧЕРКИ ИЗ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА

3 ноября 1856 г. вышла в свет книга Писемского "Очерки из крестьянского быта", объединившая три рассказа: "Питерщик", "Леший" и "Плотничья артель". Появление этого сборника обострило борьбу в русской критике вокруг произведений Писемского на крестьянские темы. Передовые писатели к критике высоко ценили народные рассказы Писемского и ставили их в один ряд с "Записками охотника" Тургенева. "Подобные рассказы особенно удаются автору, и после мастерских очерков гг. Даля, Тургенева и Григоровича народные очерки г. Писемского, конечно, лучшие в русской литературе"*.

* Н.А.Некрасов. Полное собрание сочинений, т. IX, М., 1950, стр. 314.

Либеральная критика объявила автора "Очерков из крестьянского быта" представителем чистого искусства. Наиболее полно эта тенденция проявилась в рецензии С.С.Дудышкина ("Отечественные записки", 1856, No 12) и в обширной статье А.В.Дружинина ("Библиотека для чтения", 1857, No 1). Дружинин назвал Писемского "новейшим представителем школы чистого и независимого творчества", который своими произведениями "наносит смертельный удар старой повествовательной рутине, явно увлекавшей русское искусство к узкой, дидактической, и во что бы ни стало, мизантропической деятельности"*.

* А.В.Дружинин. Собрание сочинений, т. VII, Спб, 1865, стр. 263-264.

Против реакционного истолкования произведений Писемского либеральной критикой выступил Чернышевский ("Очерки из крестьянского быта" А.Ф.Писемского", "Современник", 1857, No 4). Возражая против утверждения, что будто бы рассказы Писемского из народного быта производят примирительное, отрадное впечатление, Чернышевский писал: "Кажется, должно быть ясно для всякого, что дело вовсе не таково; что никто из русских беллетристов не изображал простонародного быта красками более темными, нежели г. Писемский; что если о ком-нибудь, то именно о нем надобно сказать, что из-под пера его выходят "мрачные картины преднамеренно зачерненной действительности", что в нем мы имеем самого энергического деятеля "узкой мизантропической тенденции"*.

* Н.Г.Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 569.

Писемский не согласился с оценкой своих произведений Анненковым, Дудышкиным и Дружининым. По поводу статьи Анненкова он писал: "На его разбор моего "Питерщика" я бы мог его зарезать, потому что он совершенно не понял того, что писал я"*.

внимательно отнесся к отзыву Чернышевского и, подготавливая свои сочинения для издания Стелловского, выбросил отдельные выражения, которые могли произвести "примиряющее" впечатление. Так, например, из текста "Питерщика" он устранил сентиментальные слова Клементия о доброте помещика: "И вот, сударь, какая доброта нашего господина: он вместе со мной прослезился и, забывши то самое, как я себя вел, не поминаючи того, что я за целый год ни подушной, ни оброку не выслал, только мне и сказал..."

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 71.

ПИТЕРЩИК

Впервые рассказ опубликован в журнале "Москвитянин", 1852, No 23 (декабрь). Закончен он был 30 сентября 1852 года.

В настоящем издании рассказ печатается по тексту: "Сочинения А.Ф.Писемского", издание Ф.Стелловского, СПб, 1861 г., с исправлениями по предшествующим изданиям, частично - по посмертным "Полным собраниям сочинений" и рукописям.

Стр. 213. Произношение женщины... - Акающий говор Чухломского уезда резко выделяется среди окающих говоров Костромской губернии и всего северо-восточного диалекта великорусского языка.

Стр. 216. Белендрясы - резные деревянные украшения на деревенских домах.

Стр. 223. Непыратый - незначительный, плохой.

Могута - сила.

Стр. 226. Шабалка - голова.

Править заделье - работать на барщине.

От Макарья. - Речь идет об уездном городе Макарьево, Костромской губернии.

Стр. 229. Тотьма - уездный город Вологодской губернии, расположенный на берегу реки Сухоны.

Стр. 232. "Аскольдова могила" - популярная в свое время опера А.Н.Верстовского (1799-1862) на сюжет одноименной повести М.Н.Загоскина. Впервые поставлена в 1835 году.

Стр. 238. Хлюст - соединение всех карт одной масти.

В.А.Малкин

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)